

1992 г.

П.А. ПЛЮТТО

ВРЕМЯ И ЛЮДИ

[из архивов А.А. Богданова]

ПЛЮТТО Петр Александрович — научный сотрудник Мосгорархива. Неоднократно публиковался в нашем журнале.

Записные книжки А.А. Богданова (Малиновского) содержатся в его фонде в Российском Центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), созданном на базе бывшего Центрального партийного архива [1].

В том же фонде находится и рукопись его неопубликованной книги «Десятилетие отлучения от марксизма. Юбилейный сборник (1904—1914 гг.)» [2]. В разделе «Абсолютная истина» этого сборника А.А. Богданов пишет: «... Если есть абсолютная истина, то обязательно должны быть и *те, которые решают*, какая истина абсолютна. Ведь все истины оспариваются, и на каждую могут найтись еретики. Необходим некто, имеющий власть и право определять: „Вот это неприкосновенно, и сомневающийся да будет отлучен“. Этот некто, кто бы он ни был, называется *непреложным авторитетом*. Будет ли это жрец, будет ли это „вожак“, лидер — все равно: абсолютная истина требует такого авторитета, она неразрывно с ним связана, она всегда была его опорой.

Поэтому тот, кто отрицает ее, не просто заблуждающийся еретик, но и преступник: он подрывает признанную духовную власть, он мешает ей беспрепятственно руководить [*далее зачеркнуто: стадом, он пытается преврат<ить>*] верными, он не дает им сделаться надежным стадом, он напоминает им о том, что они свободные, сознательные люди, имеющие право коллективного решения, критики, контроля, и обязанные пользоваться этим правом не только в теории, но и в практике.

Читатель! Ты видишь — решается не отвлеченный вопрос. Это вопрос об идейном рабстве или свободе, о стаде или сознательном коллективе» [Там же, л. 38—39]

Именно тема «авторитарность — абсолютная истина — власть», как видно из богдановских записных книжек, волновала философа до конца его жизни.

Эта тема сфокусировала многие проблемы начала XX века, мятежный «борцовский» дух эпохи. Через призму этой темы Богданов показывает свое восприятие людей, человеческих отношений, культуры и политики. Его восприятие противоречиво, насыщено коллизиями, но таков весь наш век, для которого реализация устремления к свободе оказалась нелегким, непростым делом.

Как сочеталась острая критика абсолюта и авторитарности с марксизмом Богданова? На этот вопрос отвечает сам А.А. Богданов в работе «Десятилетие отлучения от марксизма». Известный второй тезис К. Маркса о Фейербахе, который обычно формулируется как «практика — критерий истины», был

более всего любим А.А. Богдановым и понимался им следующим образом: истина лежит в «координатах» жизни социума, практика — это действительность общественных отношений. Понятно, что в этих вполне изменчивых «координатах» говорить об окончательной, т. е. абсолютной истине, об одной, раз и навсегда выясненной объективности не приходится.

«„Объективность" буквально означает предметность (объект — предмет, вещь). „Объективно" для нас то, что действительно, как те предметы, которые мы видим и с которыми на практике имеем дело.

В противоположность этому „субъективным" называют то, что не имеет такого характера действительности, например, наши представления, образы фантазии, сны. „Субъективный" буквально то же, что „личный" (субъект=лицо). Мои представления, ощущения, мечты *лично* для меня могут быть очень важны, но для других вовсе не обязательны, а с реальными вещами все одинаково принуждены считаться. Также и точные выводы науки обязательны для всех и поэтому признаются объективными. Поэтому философы словно „объективность" переводят чаще всего как «общеобязательность» или еще „общезначимость" (то, что для всех имеет значение).

Дальше этого философы не могли пойти в долгом ряду веков, только опутали вопрос об объективности схоластическими умствованиями и метафизикой.

Но пришел человек другого мира. Он был похож на сказочного волшебника: к чему бы ни прикоснулся, все озарялось новым светом и меняло свой вид. Его звали Карл Маркс. Прикоснулся он и к вопросу об объективности.

Объективно то, что действительно *для всех*. Но кто эти «все»? Маркс ответил: *человеческое общество*. И „общезначимость" — не что иное, как «общественная значимость», то, что имеет действительное значение для общества (понемедки „*Gesellschaftlich-gultigkeit*").

И сразу получились выводы, которые «не снились старым мудрецам», а также и многим новым.

Общество растет, изменяется, развивается. Много, что имеет действительное значение для нас, вовсе не имело его для наших предков, просто не существовало для них, в их более узком и бедном опыте: большая часть нашего астрономического мира, с его гигантскими расстояниями, весь мир микробов, прежние геологические эпохи и т. д. Область объективного *расширяется* с прогрессом общественного труда и познания.

Но она не только расширяется, она вообще *изменяется*. Вещи, которые для наших предков были самой подлинной действительностью, которые для общества на его тогдашнем уровне имели самое реальное значение, впоследствии утрачивали этот характер, с переходом общества на высшие ступени начинали рассматриваться как иллюзии, продукты фантазии, словом — лишались своей прежней объективности» [Там же, л. 39—41]. В этом контексте становится понятным критическое отношение А.А. Богданова к мысли, нуждающейся в таком философском «откровении», как непогрешимая истина. Здесь мы вплотную подходим к необходимости разграничения марксизма Богданова с марксизмом, например, ленинского толка.

«Сам Ильин считает себя последовательным и выдержанным, архи-ортодоксальным марксистом. Но это иллюзия. В действительности его взгляды смутны и «эклектичны», полны смешением разнородного. Мы уже видели, какая путаница получилась у него в общеполитической работе по основным вопросам. (Имеется в виду работа „Материализм и эмпириокритицизм" — П.П.) Из всех устарелых идей плехановской школы он с наибольшей энергией уцепился за наиболее безнадежную, наиболее отжившую — „абсолютную истину" но и тут не мог свести своих мыслей по крайней мере к единству. Допустим, что это — результат его неопытности в чуждой ему сфере. Но социальная философия, область, близкая всякому марксисту? Как применяет Ильин принципы и методы исторического материализма?

Пока' ему приходится исследовать конкретные, частные явления, например, классовый состав и характер какой-нибудь партии, он справляется с задачей и иногда блестящим образом. Но когда вопрос ставится в общетеоретическом масштабе, например, происхождение религии, происхождение социализма, — результаты совсем иные...

Идеи, которые в свое время выполняли колоссальную организационную роль в жизни человечества, которые и теперь сохраняют свое влияние на массы у всех отсталых и у некоторых передовых народов, сводить эти идеи к больной фантазии и выдумке жрецов, разве это не детская теория? Что общего она имеет с историческим материализмом?

Ильин сам, по-видимому, чувствует, что слишком мало и спешит дополнить указанием на „негодный общественный строй”: этот „негодный” строй, видите ли, породил хитрости „поповщины” и испортил „воображение невежественной, забитой массы”, а отсюда получились и „существа” старых религиозных мировоззрений. Но если это — исторический материализм, то лишь самый „перво-классый” [3]. Для марксовского материализма общественный строй, который породил те мировоззрения с их „сущностями” был не только „годным”, но в свое время необходимым и единственно-возможным: человечество должно было пройти через авторитарную организацию. И столь же „годными”, необходимыми, единственно-возможными были для этого строя его религиозные идеологии» [Там же, л. 284—286]. Ленинская «теория отражения» была призвана ответить на все вопросы, которые выходили из области идеологии: она как бы «отсекала», «блокировала» эту область от остальной области человеческого духа — науки, религии, искусства, культуры в широком смысле этого слова.

* * *

Записи в книжках приходятся в целом на 1925—1927 гг. Здесь можно найти записи-воспоминания о В.И. Ленине, Г.В. Плеханове, А.В. Луначарском, Н.И. Бухарине, А.М. Горьком... С разделом «К мемуарам» в книжках тесно связана рубрика «Анализ эпохи», где отразились богдановские социологические воззрения.

«Анализ эпохи. Техницизм — в центре наука — законы, подлежащие познанию. Норматизм — в центре идея власти, законы, к-ые предписываются» [1, л. 33].

«К мем. Символическая тройка Л[енин], К[расин], Б[огданов] — нормист, техник, коллективист» [Там же, л. 21 об.]

«К мемуарам. „Нормативное” мышление: Бухарин о том, что личная свобода производителей не входит в понятие планомерной организации производства» [Там же, л. 40]

«Анализ эпохи. Современный политикан принадлежит вообще к нормистскому типу, со всеми его недостатками. Эта тенденция всегда есть и у политиков демократов; оттого так часты и обычны их „измены” (Климансо, Ллойд Джордж, Муссолини, многие социал-демократы и пр.) [Там же, л. 32].

«Мем. Как Луначарский „расписался в получении” и публично сек себя за старые грехи („Известия ВЦИК”, 20 янв. 1925). Блестящее подтверждение теории социал-норматизма» [Там же, л. 35 об.]

Может быть, именно об этом отречении А.В. Луначарского в 1925 г. в пользу «норматизма» идет речь и в следующей заметке: «К мем. Петры, трижды отрекшиеся (> чем трижды): ноябрь 1921, в 1923 резолюция о И. и С. Поль, в 1925 — попытка официально отречься» [Там же, л. 31].

Называя здесь ноябрь 1921 г., А.А. Богданов, возможно, имеет в виду свое предсказание в 1917 г. «военного коммунизма» в России [4]. «К мем. Ничем нельзя изменить того факта, что в 17-м мной было сказано — вы можете устроить не социализм, а только военный коммунизм, и в 21-м было признано — у нас был только военный коммунизм, а не социализм» [1, л. 28].

Что касается самой «теории социал-норматизма» («в центре идея власти,

законы, к-ые предписываются»), то ее печальная судьба тоже не ускользнула из записных книжек А.А. Богданова: «Судьба новой концепции. Полустихийному коллективу приятнее „возвышающий обман“, чем невеселая правда, приятнее считать своих вожаков-героев плотью от плоти своей, своими преданными слугами (разве не доказательство — героизм и убежденность? А превращения героев не кажутся аргументом для чувства), и совсем не приятно знать, что цепь самоотверженных боев объективно сводилась к борьбе за смену господина. Легко понять, какой ответ такая масса даст на слишком ранее для нее (познай самого себя.— *греч.* — *П.П.*) [Там же, л. 46].

А.А. Богданову, ученому-энциклопедисту, по замечанию М.Н. Покровского, «великому просветителю» своего времени, конечно, была ближе вторая тенденция эпохи — «технизм» («в центре — наука — законы, подлежащие познанию») (т. е. «сциентизм» в современном значении этого слова). Однако сциентизм А.А. Богданова был безусловно вторичен по отношению к марксовской концепции общественных отношений, вернее, встроен, «вплавлен» в нее. Именно отсюда это противопоставление «технист» — «коллективист» или, например, определение технической интеллигенции в качестве нового «среднего» класса, с началом первой мировой войны тенденциями самой эпохи вытесняемого наверх, к власти, из класса «ан зих» («в себе») в класс «для себя» [5].

Господство технической интеллигенции представлялось А.А. Богданову в качестве одного из возможных вариантов переходного звена между капитализмом и «коллективизмом»: «... планомерная организация труда и распределения под руководством ученых-экономистов, инженеров, врачей, юристов, вообще — самой этой интеллигенции, при этом она создаст привилегированные, разумеется, условия для себя, но также условия, жизненно-удовлетворительные для рабочего класса, тем самым устраняются основания для классовой борьбы и получается гармония интересов. Для такой системы требуется и- государственно-политическая форма, чаще всего представляемая в виде централизованной республики. Странники, этого взгляда, например, большинство французских радикал-социалистов — обозначают поэтому свой идеал как „государственный социализм“» [6].

В свои взгляды на общество А.А. Богданов невольно приносил пафос и смысл естественнонаучных законов зарождения, развития, накопления, а также саму необходимость научного доказательства в его естественнонаучном виде («Мем. Исчезновение идеи научного доказательства у социал-нормистов» (л. 35)). Такой подход позволял Богданову видеть общественные явления и процессы подчиненными законам его всеобщей организационной науки. Принцип единообразия природы, в том числе и природы социальной, был положен А.А. Богдановым в основу его исследования природных аналогий и организационных законов, которые их обусловили.

А.А. Богданов, разумеется, был далек от положений современной социологии знания, рассматривающей проблему единообразия природы в качестве лишь одной из социальных норм, методологического способа познания [7]. Рассматривая единообразие природы в качестве подобного критерия, с помощью которого мы лишь интерпретируем результаты собственных экспериментов, мы получаем возможность истолковать это единообразие, нашу веру в него, как социокультурное явление. Мысль о том, что природа физического мира конструируема социально, стоит, впрочем, близко к богдановскому марксизму, в котором за социокультурный феномен, «скрепляющий» человека, познание и общество, принята была «объективность» — «общезначимость».

Интересно сравнить подобные воззрения А.А. Богданова с его критическими философскими заметками в записных книжках относительно плехановской школы:

«„Вещь в себе“. Они полагают, что если „осмыслят“ от мира себя, то получится чистый, абсолютный объект, который они же затем успешно „мыслят“. Но дело

не в их особах, дело в способах восприятия и мышления; [...] о том, что *никаким способом* не воспринимается и не мыслится...» [1, л. 47 об.] Мир существует только тогда, когда человек задумывается над ним, мир обязательно должен быть «доопределен» или научно, или трансцендентально. Для Богданова мир мог быть «доопределен» только научно. Эта «естественнонаучная часть» его общего мировоззрения легко сочеталась с идеологией всеобщности и монизма, не позволявшей А.А. Богданову, между всем прочим, видеть, например, принципиального отличия между теорией А.Эйнштейна и механикой И. Ньютона. Он, конечно, не мог допустить разрыва в природе, в том числе и в природе познания [8].

В самом начале своей политической деятельности в качестве убежденного социал-демократа (конец 1890-х — начало 1900-х годов) А.А. Богданов написал полемическую статью «Два типа идеализма», направленную против народнических взглядов. Идеалы народников представлены в ней как программа скрытого от самих носителей этих идеалов стремления к прошлому, замаскированного «обратного движения» [9].

«Конечно, — пишет А.А. Богданов, — идеал группы отражает действительное развитие лишь тогда, когда она в действительности развивается, когда ее жизненная энергия возрастает. Если же группа деградирует, то ее идеал выражает стремление к прошлому, соответствует не поступательному ходу ее исторической жизни, а воображаемому обратному движению, отрицательному образу действительности» [10].

Замечательно, что в своих рассуждениях из области социальной философии, в анализе послеоктябрьской эпохи А.А. Богданов подметил сходные черты «обратного движения», «рептильности» и «феодализма»:

«К мем. Отношение к чужой религии и к ереси в *феодалном мире — и у нас*» (1, л. 22) «Гордость творцов нового мира, членов высшего коллектива — и рептильность: „а так ли у Маркса?“, „что говорит Плеханов?“ и пр. [Там же, л. 75].

Есть здесь и «профессора, цитирующие с благоговением детскую книгу» («Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленина): «Варварство. И такова рептильность азиатской души, что профессора не стыдились цитировать его в подкрепление физических и биологических теорий.

То, что надо осознать: полудикари XX века, полные пережитков стадности и стадной жестокости; умственного рабства, умственной лени и готтентотства» [Там же, л. 37].

«К мем. 1926 27 IV А.К. Тимирязев, проф. физики, укрывается по случаю несогласия в физическ. вопросах с взглядами Энгельса (дилетантскими) под авторитет Ленина» [Там же, л. 23 об.].

В анализе апогеев авторитарных эпох классический пример Наполеона почти неизбежен. Французский император фигурирует в трех заметках богдановских записных книжек: «*Наследственность личной диктатуры*. Иллюстрации — Кромвель, Наполеон, Октавий и т. д. Там, где она не семейная, случай не более благоприятный (олижайшими к цезарю не могут быть люди его калибра)» [Там же, л. 44].

Две другие заметки предназначались для ненаписанного романа. Интересно богдановское осмысление переживаемой эпохи с помощью определенных аллегорий: «К ром. Homo zoologicus, Homo creator (3-й Homo Vampir). Разница «количественно» меньше, чем человек и обезьяна, «качественно» больше. Отношения типически — максимальное противоречие. Но иногда homo creator делает своей специальной задачей, содержанием своего творчества — дрессировку h-nes zoologici. Тогда они его обожествляют (Магомет, Наполеон и др.). Иногда он эту задачу решает побочно, маскируя ею творчество, тогда он имеет успех и, непонятый в основном, живет благополучно (напр. Гете). В остальных случаях для него единственное спасение — остаться незамеченным; иначе XX век для него немногим лучше XVII -го.

Номо Vampir — фаза и тип.

Есть, конечно, помеси» [Там же, л. 20].

И, наконец, последняя заметка прямо перекликается с первой: «К ром. Если бы возле Наполеона стоял человек, далекий от честолюбия, но способный в., некоторых вещах видеть лучше его, вообще того же умственного калибра — Наполеон не мог бы сыграть полностью своей роли. Ошибки диктатора священные, но они таковы только до тех пор, пока никто не может увидеть их раньше его самого. Иначе его высшее величие рассеивается» [Там же, л. 28]

Психология эпохи, подмеченная Богдановым, сегодня представляет несомненный интерес. «Изнутри» изученная им картина способна дать серьезный материал для социофилософских размышлений: он сумел вычленить множество неуловимых, забытых, либо просто стоящих за рамками современного сознания черт той послевоенной эпохи.

«К мемуарам. Трусость, как характерная психологическая черта послевоенной эпохи» [Там же, л. 39] «Принудительные работы. Просьба иваново-вознесенских рабочих о расстреле» [Там же, л. 21 об.] «Плакат в избечитальне: „Ленин сказал — ученье — свет, а неученье — тьма“. Плакат — „Могила Ленина — колыбель свободы человечества“» [Там же, л. 29 об.].

«К ром. „Посмотрите — у них был только один человек — и из него они сделали бога, т. е. врага человечества, его труп они бросили, как преграду поперек пути истории» [Там же, л. 28 об.].

«Ром. Страх за стадо, к-ое может шархануться...» [Там же, л. 34 об.]

«Психология. Перенесение религиозно- культовых рефлексов на внерелигиозные и антирелигиозные объекты» [Там же, л. 36 об.]

«Об институте „исповеди“. Чем больше инсультов со стороны своего коллектива получает особь, тем более в ней развивается „ego-complex“ т. е. личная тенденция. В авторитарной организации это может не означать разложения, в новых типах — обязательно. Только в строго религиозной среде гнет хронического террора может не производить разлагающего действия» [Там же, л. 42 об.]

"Бывает ведь и так, что идеология творчества становится идеологией застоя и самодовольства, идеология соц. борцов — идеологией подавляющей солдатчины» [Там же, л. 46 об.].

* * *

Особое, значение имеют размышления А.А. Богданова о судьбах своего времени, связанные с одной из центральных фигур эпохи — В.И. Лениным. Записные книжки отражают многие грани проблемы «Ленин и Богданов».

Их философские споры: «К мем. Ленин стучал в стену кулаком и говорил: „вот, это разве не материя?“» [Там же, л. 27 об.].

Отголоски былой борьбы: «Ром. „Сам не стремится стать диктатором, и другому мешает" (размышления Ленина об Имярек)» [Там же, л. 32] «1908—1910: борьба за личное руководство. Объективная неизбежность и реальная полезность этого некрасивого эпизода. — Был ли „он" прав? Или другая сторона? Две истины разного поля» [Там же, л. 44 об.].

«В то время, к своему счастью, я не понимал этого (специального — за единоличное руководство) смысла борьбы, иначе не уступил бы под первым предлогом, полагаясь на истину и будущее» [Там же, л. 41].

В скрытой или открытой форме Ленин фигурирует во многих записях книжек: вновь и вновь Богданов должен был мысленно возвращаться к «нему» в своих социофилософских изысканиях, анализе авторитарности и авторитетов.

В этом анализе нас особо интересует осмысление Богдановым самого типа ленинского мышления. В «Десятилетии отлучения от марксизма» он писал по этому поводу: «По своим знаниям В. Ильин почти всецело специалист: они сосредоточены в сфере политической экономии капитализма и его политики. Такой кругозор узок и недостаточен не только для решения широких задач

теории, но и для решения тех практических вопросов, которые особенно трудны по своей новизне и по сложности условий. В обоих случаях Ильин оказывается не самостоятельным, исследующим мыслителем, а *человеком грубых шаблонов*» [2, л. 288].

Позже, в своих записных книжках А.А. Богданов, видимо, признавал в Ленине тип творческой личности (Homo creator), человека нешаблонных *тактических* решений. «К мем. При крушении практических попыток остается выход — изменять значение слова, выражающего идеал, так, чтобы оно-соответствовало практическим возможностям. Пример — крестьянская кооперация» [1, л. 26].

Сумев признать в 1920-х годах за В.И. Лениным талант политического деятеля, А.А. Богданов, однако, в 1914 г. уловил явление значительно более глубокое: одно из основных свойств ленинского типа мышления — редукцию. Именно редукция, сведение к неким первоосновам, к «грубым шаблонам» выделяется Богдановым в качестве первой черты этого типа: «Одни и те же этикетки он наклеивает на самые различные вещи: Беркли, Юм, Мах для него одно и то же, Маркс и Плеханов столь же неразличимы, коллективная организация опыта сливается с буржуазным индивидуализмом и т. д. Если бы он был аптекарем, то перетравил бы массу народу: самого поверхностного сходства ему было бы достаточно, чтобы считать за одно разные медикаменты: сладкий белый сахар и сладкий белый мышьяк, — стоит ли обращать внимание на какую-то разницу в составе?» [2, л. 288—289].

Подобное качество мышления (у Ленина выступавшее всего лишь наиболее ярко) безусловно прямо влияет на само отношение к действительности. Присущая действительности сложность «сводится» и «изгоняется» во имя получения более простого и устойчивого результата: «К мем. Отношение Лютера и Мелинхтона к Копернику — параллель. Причина этого отношения: желание действовать в возможно упрощенной и устойчивой обстановке, без осложнения револ. задач». [1, л. 24 об.]

Богдановские исследования помогают распознать такой вид редукции, как нормативное мышление (явный и скрытый поиск образцов и норм) и в более сложных областях политики и идеологии:

«К мем. Основная характеристика Ленина: одна половина социализма в Германии (военно-государственный капитализм), другая в России (Советский строй). „Социализм — это учет“. Средняя плата квалифицированного рабочего» [Там же, л. 21].

«Два уклона к чужой культуре. У одних не хватало идеи целого и воли к власти, у других была идея целого, но государственно-нормативная, и воля к власти, но групповая и захватническая, не трудовая — творческая» [Там же, л. 37 об.]

Таким образом, мы вновь подошли к проблеме основных тенденций эпохи: «технизма» — «норматизма» — «коллективизма»: в перечисляемых Богдановым «тенденциях» можно предполагать различные способы осмысления реальности, кардинально различные способы восприятия одной и той же действительности. Несомненная заслуга Богданова состоит в стремлении к объективному исследованию (с неустранимой, конечно, поправкой на богдановский «коллективизм») не только этих тенденций, но и типа стоящего за ними мышления [11].

Критикуя «нетворческий» марксизм В.И. Ленина, ограниченный властью шаблонов, А.А. Богданов замечал в «Десятилетии отлучения от марксизма»: «Но эта власть шаблонов не так вредна на поле теории: там она вредит, главным образом, самому Ильину, делая его плохим теоретиком, может быть, возвращает идейно кое-кого из читателей, едва ли многих, и преимущественно, я думаю, тех, которые сами слишком тяготеют к шаблону. Много хуже получаются результаты тогда, когда с тем же способом мышления Ильин подходит к живой организационной практике. Тут его влияние не раз за последние годы приносило огромный вред.

Когда, вслед за подъемом, пришла реакция, разбила прежние расчеты, расстроила прежнюю постановку общественных задач, создала положение, страшно трудное для анализа по новизне и сложности, и чрезвычайно тяжелое по возросшему действию разрушительных сил, что стал делать тогда Ильин? Он начал искать подходящих к положению шаблонов, и когда ему казалось, что он нашел таковой, то он его применял немедленно, со всей своей наивно-грубой прямолинейностью и с той значительной энергией, которою одарен от природы.

Запас, из которого он мог черпать, был, как мы видели, не обширен, и притом жизнь не повторяет себя механически в истории обществ. Ошибки были неизбежны. При других условиях они встретили бы сопротивление в окружающем коллективе, и были бы исправлены. Но тут коллектив распадался, ошибки шли по линии его разрушения и потому достаточного сопротивления не нашли, и были воплощены в жизнь Ильиным с его сторонниками» [2, л. 289—290].

В той же работе Богданов, выступая против ленинских приемов ведения политической борьбы, приемов, заимствованных В.И. Лениным из «буржуазной культуры», в частности, писал: «Ильин не смущается, когда обличают сказанную им неправду. Он с достоинством молчит. Невольно вспоминаешь, с каким достоинством молчали Клемансо и Кайо, когда их, в разное время, уличили в такой же неправде перед комиссией Жореса. Вспоминаешь и кадета Маклакова, который в Думе как-то сказал, что для политических партий нет этики. *Они-то*, буржуазные деятели, в своей сфере правы: их политика есть неизбежно политиканство и дипломатия, ложь в ней законное оружие. Но Ильин ведь теперь призывает пролетарскую культуру?»

Для великого класса, в котором живет чистый порыв и высокий идеал, *культурно-недопустимы* приемы борьбы мелкие, грязные, унижающие» [Там же, л. 306—307].

Здесь возникает и ставится важный вопрос о влиянии субъекта на познаваемый объект, средства — на цель. Постановка этого вопроса материализму ленинского толка была чужда. Исповедуя «пролетарские» идеалы как цель, Ленин не видел никаких противоречий в употреблении им «буржуазных» средств борьбы: «К ром. „Наша политика, — говорил он, — должна быть столь же бесчестной и бесстыдной, как политика наших противников, ибо иначе за ними остается преимущество отравленного оружия"» [1, л. 21]. «„Своеобразная гордость — доказать, что в смысле методов „мы" не лучше другой стороны, не уступим ей ни в грубости, ни в жестокости, ни в пристрастности. В сущности, ученическое усвоение буржуазных политических методов"» [Там же, л. 31].

Вместе с редукцией и авторитарностью подобный «дуализм» является атрибутом рассматриваемого типа мышления. Поразительно метко об этом сказал близкий друг А.А. Богданова В.А. Базаров: «Как известно, революционные общественные группы в период борьбы за господство и в интересах этой борьбы вынуждены зачастую в своей организации и в своей деятельности заимствовать многие внешние приемы у противника. При этом неизбежно изменяются в соответствующую сторону и многие внутренние навыки, привычки, весь психический склад. Конечно, теоретически эта перемена обыкновенно не сознается, люди каждый свой фактический шаг сопровождают известным *reservatio mentalis* — что это, мол, лишь *пока*, лишь до победы и в целях победы. Но вот победа наступает, и оказывается, что победившие не в силах вынести своей победы, что они в состоянии господствовать лишь при помощи тех принципов, против которых они вели победоносную борьбу. Тогда говорят о реакции, об измене, и измена тут действительно есть, но она произошла не тогда, когда люди сознали и открыто признали происшедший в них переворот, а когда они позволили этому перевороту совершиться, когда они наивно верили, что голое *reservatio*

mentalis может парализовать органическое несоответствие между средством и целью» [12].

Собственно, подобный дуализм мысли почти неотличим, «сплавлен» с такими характеристиками власти как авторитарность и норматизм (и. редукция, т. е., повторим, тяготение к образцам, нормам, шаблонам). Подобным проявлениям «буржуазной культуры» Богданов противопоставил задачу — «социализм в настоящем», которая заключала в себе безотлагательное культивирование новых общественных отношений в пролетарской среде. Тот же В.А. Базаров выразил эту мысль, быть может, даже более ярко: «Лишь по отношению к тому классу современных людей, в недрах которого совершается рождение грядущего высшего и лучшего человека, применимо с точки зрения социалиста толстовское учение о недопустимости физического и духовного насилия». Зато здесь оно применимо вполне и безусловно.

Но разве с этой стороны деятельность социалистов совершенно безупречна? Разве можно, положа руку на сердце, сказать, что они всегда проявляют надлежащую заботливость о том, чтобы их идеи усваивались действительно свободно и самостоятельно? Разве уже так редки случаи, когда для ускорения дела точка зрения противника, да и своя собственная, упрощаются до крайних пределов? Разве не принимаются порой даже чисто внешние меры к тому, чтобы не допустить в известную среду устного или печатного слова противника? Разве не пускаются в ход самые разнообразные средства опьянения, всякого рода гипнотизирующие эффекты с целью вызвать желаемое «настроение»? «Создать» или «поднять настроение» — вот формула, которая чаще, чем это следовало бы, заступает место формулы — «развить самосознание» [Там же, с. 102]

Отношения идеологов и массы отличаются от обычных авторитарных отношений тем, что в них входит много элементов синтетического сотрудничества. Человек массы исполняет указания идеолога, но он разными путями сам указывает идеологу, что должен ему давать этот последний, следовательно, он не только подчиняется идеологу, но и подчиняет его себе. Богданов, как мы видим, все время подчеркивает, что идеолог — это выразитель чьих-то интересов, — положение, ставшее центральным в советской философской литературе. Правда, при этом игнорируется другой аспект анализа Богданова, который писал: «Наоборот, чем больше выступает на первый план слепое подчинение, чем выше поднимается идеолог над массой, чем менее она может влиять на его организаторскую работу, тем неизбежнее их общая, жизнь замыкает в стихийном консерватизме. Так было в очень многих движениях, отлившихся в религиозно-сектантскую форму, с ее неизбежным преобладанием авторитарных элементов» [13].

Поистине на десятилетия вперед смотрел А.А. Богданов — один из интереснейших мыслителей XX века...

В своей работе «Падение великого фетишизма» Богданов отмечает, что происходит глубочайший и самый общий кризис идеологии, аналога которому нет в прошлом. Это не простая смена старых идеологических форм новыми, какая наблюдалась в прежних кризисах, а «преобразование сущности идеологии, всего ее жизненного строения, законов ее организации» [14]. И дуализм, и редукция, сведение к простому и ясному, невысказанные авторитарности, в качестве «рычага», осуществляющего быстрое и действительное практическое воплощение «идеологических» операций. Заслуга А.А. Богданова в том, что он сумел вычленил, отделить подобную «практическую» авторитарность от более тонкого ее понимания как третьей составляющей способа мышления.

Читаем продолжение критики Богдановым расхождения В.И. Ленина с «пролетарской культурой» в «Десятилетии отлучения от марксизма»: «Но кроме беспринципности в выборе средств у него есть более глубокая черта расхождения с новой культурой. Это его *авторитаризм*.

Я говорю не просто о грубой властности характера — недостатке, который

может быть уравновешен и исправлен влиянием товарищеской Среды. Я имею в виду самый способ мышления.

Философская книга Ильина прямо поражает всюду проникающим ее духом слепой, наивной веры в авторитеты. Для него любой вопрос окончательно и бесповоротно решается в подходящей цитатой из Маркса или Энгельса. Он даже не представляет себе возможности мыслить по иному типу...

Почему? Очевидно, потому, что пророки не должны ошибаться. Если пророк мог хоть раз ошибиться, его учение не есть откровение свыше, не есть абсолютная истина. Нет веры в пророка — нет веры в идею...

Примеров можно было бы привести сколько угодно. Искренность подобных заявлений несомненна.

Если слова „пролетарская культура" имеют разумный смысл, и если смысл этот заключается в товарищеском духе, все более проникающим отношения людей, их действия и их сознание, — то наивный, детский феодализм мысли несовместим с пролетарской культурой» [2, л. 307—308].

С этим оптимистическим выводом А.А. Богданова 1914 г. контрастирует заметка к ненаписанному роману из записных книжек. Заметка оттеняет всю важность тех последних по времени мыслей Богданова об обществе и эпохе: «К, роману. В борьбе за единоличную диктатуру он был объективно прав: таков был уровень его стада, это была необходимость, а единичные, случайно развившиеся сильные индивидуальности европейского типа не могли столько прибавить, сколько отнять, подрывая самым своим существованием в организации основной ее, авторитарный тип связи, — при его ограниченном образовании, целые области „духа" его стада остались бы вне его контроля, под воздействием этих индивидуальностей. Отсюда попытка захватить и эти области, ребяческая, но через 10—15 лет имевшая успех, который свидетельствует о поразительном умственном рабстве стада (профессора, цитирующие с благоговением детскую книгу). Отношение к Марксу, как показатель того, что суть была в индивидуальностях и компетентности» [1, л. 36].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РЦХИДНИ, Ф. 259. Оп. 1. Д. 48.
- 2 Там же. Д. 25
3. В этой же книге А.А. Богданов писал: «Рассказывают, что Плеханов на вопрос, какого он мнения о книге Ильина, ответил: „Ильин, несомненно **первоклассный** философ". Видя же всеобщее изумление, пояснил: „Т. е. еще в первом классе"» [Там же. Л. 157].
4. См.: *Плюто П. А.* А.А. Богданов о «военном коммунизме» // Социол. исслед. 1990. N 11. С. 147—151.
5. См. Социол. исслед. 1992. N 4.
6. *Богданов А.А.* Тектология: (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн.: Кн. 2. М.: Наука, 1989. С. 75.
7. См., например, *Малкей М.* Наука и социология знания. М.: Прогресс, 1983.
8. По этому поводу см. работы А.А. Богданова «Организационный смысл принципа относительности» и «Объективное пространство и время» (РЦХИДНИ. Ф. 259. Оп. 1. Д. 36, 42).
9. Здесь можно особо отметить существующий аналогичный взгляд на природу самого марксизма как общественного явления; в остальном тех самых коллизий, происходивших в России с 1917 г., в которых видится «возврат назад», к «Московской Руси», т. е. к старой патриархальности, авторитарности, «неформальному» праву и прочим социокультурным характеристикам, ожившим вдруг в марксизме.
10. ЦГАЛИ СССР. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 257. Л. 4.
11. См. А.А. Богданов «Наука об общественном сознании. Краткий курс идеологической науки в вопросах и ответах» (М., 1914).
12. *Базаров В.* На пути к социализму. Харьков, 1919. С. 92.
13. *Богданов А.* Из психологии общества. СПб., 1906. С. 129.
14. *Богданов А.* Падение великого фетишизма // Вопр. философии. 1991. N 11. С. 101 — 102.